

—

Как и ожидалось, лавры победителя в первом этапе «Мастеров боевых искусств» с легкостью достались Янь Чангэ. После того как три великих мастера — Лю Тяньюнь, Ли Чэньи и Сюй Чжичжэнь — один за другим потерпели поражение, остальные участники не представляли для Янь Чангэ никакой угрозы. Почти при первой же встрече он вежливо и технично выводил их из игры.

Что касается других звезд, то из-за невероятной скорости Янь Чангэ они даже не успели воссоединиться со своими партнерами, как попали в руки Янь Чангэ и Цюй Ляня и были препровождены обратно к месту сбора. От начала и до конца Янь Чангэ даже не пытался сорвать нашивки с их груди — он просто привел целую вереницу людей к финишу. Раз все противники были повержены, а участники доставлены на базу, победителем этого выпуска однозначно стал он один.

Съемки в горах дали огромное количество богатого материала, которого съемочной группе хватило бы на несколько выпусков. Следующий этап должен был записываться лишь через некоторое время, участникам требовался отдых, поэтому Янь Чангэ и Цюй Лянь вернулись домой, чтобы в спокойствии дождаться выхода первой серии в эфир.

В Линьчэн тоже пришла зима. Опавшие листья устилали землю, доставляя немало хлопот дворникам. Улицы, окрашенные увядающей листвой в тона запустения, навевали на душу необъяснимую тревогу.

Неизвестно почему, но едва вернувшись в Линьчэн, Цюй Лянь почувствовал, как его сердце сжалось от тяжелого, давящего предчувствия.

«Что со мной?» — вернувшись домой, Цюй Лянь сразу рассказал о своих ощущениях Янь Чангэ.

Янь Чангэ первым делом проверил пульс Цюй Ляня. Убедившись, что у того нет проблем с сердечно-сосудистой системой, он посерьезнел: «Есть два варианта. Либо с кем-то из твоих близких родственников что-то случилось или вот-вот случится, либо есть еще один...»

Он не договорил, а после недолгого колебания добавил: «Свяжись с председателем Цюем, пусть они с Цюй Жуем будут предельно осторожны в ближайшее время. А я спрошу Шэнь Ифэя о новостях от Нин Бучжэ».

Цюй Лянь не знал, какую вторую причину скрыл Янь Чангэ, но раз дело касалось его семьи, он не стал расспрашивать дальше и поспешил связаться с Цюй Фэном.

У Цюй Фэна в эти дни всё шло как по маслу: и работа, и личная жизнь были в полном порядке, никаких странностей. Однако, услышав предостережение Цюй Ляня, он не стал отмахиваться, а отнесся к этому со всей серьезностью. Когда погиб Цюй Янь, у Цюй Фэна было такое же гнетущее чувство на душе. Тогда он не понимал, почему он так раздражен, и даже поссорился с женой из-за какой-то чепухи, что было совершенно на него не похоже. И лишь позже, узнав о смерти брата, он осознал: момент его крайней душевной нестабильности в точности совпал с моментом гибели Цюй Яня.

Поэтому Цюй Фэн придавал огромное значение интуиции. Услышав от Цюй Ляня о внезапном приступе тревожности, он немедленно связался с проверенным охранным агентством и нанял множество людей для защиты себя и Цюй Жуя. Также он приказал проверить счета компании

на предмет махинаций.

Видя, что Цюй Фэн так серьезно воспринял его слова, Цюй Лянь немного успокоился, но чувство замирающего от страха сердца так и не исчезло.

Он потер правую бровь, которая то и дело дергалась, и, увидев, что Янь Чангэ закончил разговор по телефону, тут же спросил: «Как там мой старш... как там Нин Бучжэ?»

«Всё спокойно», — ответил Янь Чангэ. — «Шэнь Ифэй говорит, что Нин Бучжэ и Линь Чэньбин прекрасно поладили с новобранцами и полицейскими. У них обоих высокое мастерство и богатый боевой опыт, при этом они не гнушаются учить вместе с солдатами политические вопросы. Отношения в коллективе отличные. База вооруженной полиции защищена очень хорошо, посторонним туда не пройти. Я напомнил ему следить за питанием, и Шэнь Ифэй тут же связался с отрядом».

«Значит, там тоже всё в порядке», — услышав это, Цюй Лянь потер переносицу и, прижав руку к груди, прошептал: «Но почему мне всё равно так тревожно? Что это за вторая причина, о которой ты говорил?»

Янь Чангэ с суровым лицом взял Цюй Ляня за руку: «Сейчас конец года по новому календарю, скоро Первое января».

«И что?..» — Цюй Лянь не понимал, какое значение имеет эта дата.

«Твоё смертельное испытание еще не закончилось. В такие дни смены старого и нового года, боюсь, тебя ждет великое потрясение», — сказал Янь Чангэ.

«Вот как?» — Цюй Ляню всё равно было не по себе.

«Всё будет хорошо, не волнуйся», — Янь Чангэ обнял его. — «Я рядом, ты должен мне верить».

«Угу...» — Цюй Лянь кивнул, стараясь прогнать дурные мысли, и прижался головой к его груди.

Дождавшись, пока Цюй Лянь уснет, Янь Чангэ с тяжелым сердцем поднялся на крышу. За эти дни солнечные генераторы полностью зарядились. Янь Чангэ положил руку на электроды, но не стал поглощать энергию.

На самом деле, когда Цюй Лянь жаловался на нехорошее предчувствие, Янь Чангэ тоже ощущал нечто подобное. Только если у Цюй Ляня это было сердцебиение, то у Янь Чангэ было чувство приближающегося Небесного бедствия.

В последнее время Нин Бучжэ и Линь Чэньбин постоянно тренировали новичков, и порции заслуг непрерывно поступали к Янь Чангэ. Но внезапно, в тот самый день, когда он прибыл к снежным горам, он получил колоссальный объем заслуг — настолько невероятный, что он совершенно не понимал, почему Небеса вдруг отсыпали ему такое богатство.

Сам Янь Чангэ, находясь в горах, не совершал ничего, что принесло бы мгновенные заслуги. Источником косвенных заслуг, помимо тренировочной базы, мог быть его Weibo. В последнее время он часто публиковал посты о добрых делах. Хейтеры называли его лицемером, но были и те, кто под влиянием кумира начинал совершать маленькие, пусть и незначительные, добрые поступки. Часть этих заслуг записывалась на счет Янь Чангэ, но их было слишком мало.

Оставался еще один вариант: его помощь полиции в раскрытии дела. Однако, позвонив Шэнь Ифэю, он узнал, что пока удалось лишь привлечь к ответственности Ван Линьчжи, но нет никаких прямых улик против Чан Исю. Ван Линьчжи упорно молчала, расследование зашло в тупик. Даже Ван Яньфэн еще не получил приговор. За такое заслуги не начисляются.

Раз за разом прокручивая мысли в голове, он неизбежно возвращался к тренировочному центру.

Теперь Янь Чангэ перестал воспринимать Небесное Дао как нечто высшее и сакральное. Для него это был энергетический закон, своего рода суперкомпьютер. Вычислительная мощность этого «компьютера» бесконечно превосходила человеческое воображение — он мог просчитывать будущее через неведомые алгоритмы. Получение такой огромной суммы заслуг могло означать только одно: действия Янь Чангэ оказали колоссальное влияние на будущее.

Но что именно? Из всех его нынешних дел только тренировочный центр мог так сильно изменить грядущее.

Просвещение и обучение — это само по себе изменение будущего. А то, какие именно перемены произойдут, зависит от учеников этого потока. По словам Шэнь Ифэя, в первом потоке обучались 350 человек: 50 полицейских, остальные — бойцы вооруженной полиции. Командир пригнал на обучение весь свой отряд. Возможно, среди этих людей был кто-то, наделенный Великим Потокотом Удачи, тот, чьи будущие достижения неизмеримы?

И благодаря наставничеству Нин Бучжэ и Линь Чэньбина будущее этого человека станет еще более великим. Именно поэтому Дао выдало Янь Чангэ такой аванс заслуг, что он оказался на пороге Вознесения.

Любой дух-практик при обретении человеческой формы должен пройти через Небесную Скорбь. Это трансформация, меняющая саму суть бытия. Некоторые духи доживают до стадии Великой Завершенности, но так и не могут принять облик человека. Способность к трансформации порой зависит не от силы совершенствования, а от внезапного озарения миром смертных. Есть демоны и духи с колоссальной магической силой, но остающиеся в истинном облике, а есть те, кто перевоплощается, имея лишь крохи мастерства.

Но вне зависимости от уровня силы, любая трансформация сопровождается Небесной Скорбью.

Янь Чангэ был исключением. Он даже не стремился осознанно к совершенствованию; человеческий облик был буквально выдавлен из него избытком кроважной ци, которую тело меча не могло больше удерживать. Его трансформация не задействовала энергии неба и земли, она была неполной. Доказательством служило то, что, имея человеческий облик, он не имел сердцебиения, температуры тела и прочих признаков живого существа. Он не прошел через Небесную Скорбь и не переродился окончательно.

И вот, полученные заслуги дали Янь Чангэ предчувствие Небесной Кары. И предчувствие это было не из добрых.

Даже если Янь Чангэ без устали творил добро с тех пор, как попал в современный мир, по своей сути он был порожден кровавой ци. Кровавая энергия была накопленной за две тысячи лет отрицательной энергией. Положительная энергия заслуг, накопленная им сейчас, не могла идти ни в какое сравнение с этой бездной кровавой ци. Законы мироздания не могут терпеть столь мощный сгусток негатива. Его Небесная Кара будет ужасающей.

Хотя его истинная форма — металл, и его сопротивляемость молниям выше, чем у других практиков (он может отводить электричество в землю), при слишком мощном разряде даже металл-проводник обуглится. Электропроводность — это хорошо, но хватит ли прочности самому материалу?

Предстоящее испытание было смертельно опасным, но в то же время оно было шансом.

Если он переживет Небесную Скорбь, он по-настоящему переродится. Станет человеком из плоти и крови. И тогда он и Цюй Лянь...

Да, истинной причиной, по которой Янь Чангэ стойко отвергал Цюй Ляня, было не только состояние здоровья последнего, но и тело самого Янь Чангэ. Внутри него уже жили человеческие чувства, но тело не имело нормальных физиологических реакций. Если бы он попытался воплотить свои порывы с Цюй Лянем, он мог бы не удержать внутреннюю энергию меча. Это привело бы к кровавой бане, и смертельное проклятие Цюй Ляня исполнилось бы прямо у него в руках.

Янь Чангэ чувствовал: сердцебиение Цюй Ляня вызвано именно его грядущим испытанием.

Если объяснять это языком законов энергии: Цюй Лянь слишком сильно заботился о Янь Чангэ, его мозговые волны уловили колебания энергии между небом и землей, нацеленные на Янь Чангэ, и интерпретировали их как дурное предчувствие. Часть этой энергии при контакте с мозговыми волнами проникла в тело Цюй Ляня, разогнала кровь и заставила сердце биться чаще.

Именно в этом кроется причина того, почему люди чувствуют «замирание сердца» перед бедой — всё дело в энергии.

И в этом заключалась главная проблема.

Он ни в коем случае не мог оставить Цюй Ляня рядом с собой во время испытания. Но если он уйдет, кто защитит Цюй Ляня от его собственного «смертельного испытания»? А если Цюй Лянь останется с ним, он гарантированно погибнет под ударом молнии.

Янь Чангэ думал о безопасном месте, и на ум пришел тренировочный центр. Это база вооруженной полиции, там военные и полицейские. Это самые благородные профессии, и концентрация положительной энергии в армии уступает разве что древним местам силы (драконьим жилам). Никакая негативная энергия не смеет бесчинствовать в окружении солдат. Отправить Цюй Ляня туда — лучший выход.

Но согласится ли Цюй Лянь? Как убедить его оставить Янь Чангэ и в одиночку отправиться в армию?

Чувствуя дыхание Небесной Скорби, Янь Чангэ терзался сомнениями. Он не знал, как всё объяснить Цюй Ляню.

Вдруг он не переживет эту грозу? Его сознание окончательно рассеется, а древний меч Чангэ станет обычным куском металла, лишенным духа. И сколько бы кровавой ци он потом ни впитал, он больше никогда не сможет стать человеком.

Это было состояние, похожее на то, что люди называют смертью. Рассеивание души, вечное небытие.

Возможно, этот раз станет их вечной разлукой. Как сказать ему об этом?

Солгать или сказать правду?

Янь Чангэ сидел на крыше, впервые не зная, какое решение принять.

Он всегда был прямым и непоколебимым. Стоило наметить цель — и он шел к ней, никогда не сворачивая. Сомнения были чужды натуре меча. Но почему он колеблется сейчас? Потому что он «согнулся» (п.п.: метафора «стал геем»)?

Похоже, чувства действительно заставляют меч деградировать. Теперь он превратился в подобие серпа — ни следа былой твердости и решительности.

Сон Цюй Ляня был беспокойным. Ему снилось острие меча, приставленное к его спине, прямо напротив сердца, так что он боялся даже шелохнуться. Во сне Цюй Лянь хотел обернуться, чтобы увидеть, кто держит его на прицеле, но шея не слушалась. В этом сне у него было странное чувство... казалось, он не столько боялся этого меча, сколько боялся, что тот исчезнет.

Цюй Лянь проснулся в холодном поту. В комнате было темно, свет не горел. Янь Чангэ не было рядом. Он не стал звать его, а тихо встал и начал искать по дому.

Обойдя всё, он в конце концов обнаружил фигуру Янь Чангэ на крыше. Странно: Янь Чангэ, который хвалился тем, что ни один звук в радиусе ли не укроется от его ушей, никак не среагировал на его появление. Он обернулся лишь тогда, когда Цюй Лянь подошел вплотную.

Янь Чангэ слегка вздрогнул: «Проснулся?»

«Уже стемнело, почему ты всё еще здесь сидишь?» — удивился Цюй Лянь.

Янь Чангэ помолчал немного и ответил: «Думал о кое-чем».

«Вот как?» — Цюй Лянь странно посмотрел на него. Ему показалось, что сегодня Янь Чангэ какой-то рассеянный.

Это было невероятно. Янь Чангэ всегда воплощал образ классического героя — всегда полон энергии, всегда предельно сконцентрирован. Как он мог впасть в такую прострацию?

В душе Цюй Ляня шевельнулось беспокойство. Не желая, чтобы Янь Чангэ торчал на крыше как громоотвод, он потянул его за собой: «Я проголодался».

«Я приготовлю тебе поесть».

Во время еды Цюй Лянь вспомнил о мече у своей спины. Ему казалось, что этот сон пытается о чем-то предупредить. Он сказал Янь Чангэ: «Мне приснился сон... Кажется, я видел тот родовой меч, что хранится в подвале нашего старого особняка».

«Меч, который заставляет чувствовать себя в безопасности и который не хочется терять... Наверное, это и есть родовой меч семьи Цюй?» — подумал Цюй Лянь про себя.

Янь Чангэ на мгновение замер: «Что за меч? Как давно он в семье?»

«Вроде со времен династии Сун...» — вспоминал Цюй Лянь. — «Родословная семьи Цюй берет начало именно в ту эпоху. Говорят, этот меч Сюаньин был выкован мастером в конце династии

Сун. По слухам, он стоит в одном ряду с Небесным мечом и Саблей дракона».

«О, потомок, младше на тысячу лет...» — пробормотал Янь Чангэ.

«Что ты сказал?» — Цюй Лянь не расслышал его бормотания.

«Ничего», — ответил Янь Чангэ. — «Почему тебе вдруг приснился Сюаньин?»

«Просто почувствовал, будто могу его потерять, и стало так горько на душе. Как думаешь, мое сердцебиение не связано с тем, что в старом доме может что-то случиться? Особняк предназначен для наследника боевых искусств семьи Цюй. После того как мой старший брат... пропал, там никто не живет. Дядя каждый год посылает людей присматривать за домом, там можно поселиться в любой момент», — объяснял Цюй Лянь. — «Меч Сюаньин признает только главу семьи Цюй. Кроме брата, никто больше не мог вынуть его из ножен. Как думаешь, если за мечом так долго не ухаживали, он мог заржаветь?»

«Ножны созданы, чтобы защищать меч. Внутри ножен с ним ничего не случится», — голос Янь Чангэ прозвучал как-то недовольно.

«Но мне всё равно беспокойно. Давай завтра съездим туда и проверим, хорошо?» — спросил Цюй Лянь.

«Завтра... Пожалуй, можно», — Янь Чангэ быстро прикинул время. Он ожидал свою Небесную Скорбь в полночь накануне Нового года. Оставалось два дня. Завтра должно быть безопасно.

«Вот и славно, завтра и поедем», — решил Цюй Лянь.

—

<http://bllate.org/book/14517/1285744>